

Видали? Видали?! Сравни — и сразу ясно, кто лучше. Взгляни на моего Цзыкэ — какой образец благородства, доброты и понимания! А теперь взгляни на Ши Ичжи — на этого сквалыгу, мелочного и придирчивого!

Но, чёрт возьми, мой благородный, добрый и понимающий Цзыкэ, почему ты улыбаешься этому сквалыге, мелочному и придирчивому Ши Ичжи, так... так по-весеннему тепло? Я схватился за живот, чувствуя, как кислая жгучая волна подкатывает к горлу. И что ещё хуже — Се Цзин заметил мой взгляд, потупился, отодвинулся от Ши Ичжи подальше и в завершение бросил мне улыбку, полную самых искренних извинений.

Се Цзин улыбался совершенно открыто, и на лице у него так и читалось: «Друга жена — не тронь». От этого у меня в животе скрутило ещё сильнее.

В конце концов управляющий так и не взял с нас денег, сказав, что три бутылки вина — сущий пустяк, и чтобы мы просто почаще заглядывали к нему. Он, конечно, говорил красиво, но на деле просто струхнул перед моим чёрным от злости лицом.

Сытно поел — и мысли к утехам обращаются. После трапезы обязательная программа — посещение веселого заведения. Даже если ничего не делать, просто глаз порадовать — уже хорошо. Это слова Ши Ичжи.

В столице есть два знаменитых заведения: «Башня Ваньюэ», где торгуют девицами, и «Павильон Чэнъян», где торгуют юношами. Оба под одной крышей, хозяин один, стоят на Восточной и Западной улицах. Ши Ичжи — завсегдатай в обоих. А я раньше частенько наведывался в «Павильон Чэнъян».

Мы отправились в «Павильон Чэнъян». На пороге слуга согнулся в поклоне, но, подняв голову и увидев меня, изменился в лице:

— Ге... Генерал... Господин Сяхоу.

Его смущение передалось и мне. Я кашлянул, скривился и выдавил улыбку:

— А, Сяо Лу... Давненько не виделись, а?

Сяо Лу вытянул шею, заглядывая мне за спину, с выражением, в котором читались и слёзы, и страх. — Точно, точно, не виделись уже порядочно. А... а тот... сегодня не с вами?

Се Цзин выглядел недоуменным, Ши Ичжи фыркнул, прикрыв рот. Я смущённо провёл рукой по лбу. — Отец мой в храме молится, устроить погром не придёт.

Сяо Лу облегчённо вздохнул, смахнул со лба холодный пот. — Ну и слава богу, слава богу. Прошу, прошу, господа! Сяо Ся, Сяо Ань, Бай Лю, Сюнь Тао — гостей встречать!

Я многозначительно похлопал Сяо Лу по плечу и поднялся по ступенькам. Не пойму этого Сяо Лу: будучи управляющим, он вечно рядится в ливрею швейцара и всё делает сам. Мне за него устало.

Верхний кабинет вполне соответствовал названию «изысканный». Взгляд сразу притягивала шёлковая ширма с пейзажной живописью, натянутая на бамбуковый каркас. Перед ширмой — низкий бамбуковый столик, на нём все принадлежности для письма, а в углу — кувшин сладкого вина. За ширмой виднелась большая кровать из грушевого дерева.

Едва мы уселись, как один за другим вошли Сяо Ся, Сяо Ань, Бай Лю и Сюнь Тао. Ши Ичжи обхватил одного рукой Сяо Ся, другого — Сяо Аня. Самый скромный на вид Сюнь Тао мелкими шажками подошёл и встал за спиной Се Цзина. Бай Лю же, задрал личико, бросил мне игривый взгляд, засунул палец в рот и сладко промолвил:

— Женился — и не вырваться, да? А я так по тебе соскучился. Голосок его был звонким и проникал прямо в кости.

Я закрыл глаза рукой, не в силах смотреть. Эх вы, проказники малые...

Пока я предавался грустным думам, Ши Ичжи, откусив виноградинку, которую очистил Сяо Ань, бросил на меня косой взгляд. — Ну что? С тех пор как твой отец в прошлый раз устроил здесь погром, ты ведь не был, да? Полгода с лишним уже.

Я кивнул. — Отец мой на дух не переносит мою склонность. Заявил, что если уж ходить в веселые дома, то только в «Башню Ваньюэ» на Восточной улице. А «Павильон Чэньян» будет крушить каждый раз, как меня здесь застукает.

Се Цзин фыркнул со смешком, делая глоток тёплой воды.

У меня загорелись щёки. Я поспешно притянул к себе Бай Лю и, незаметно сжав его руку, сказал:

— Бай Лю, скажи сам — раньше я ведь приходил только выпить с тобой, правда?

Бай Лю был моим постоянным спутником в прошлом, ибо пил он здесь лучше всех, да и смыслённый был, с ним можно было поговорить, если что на душе накопело. Что до остального... Между нами было чисто, как белый снег. Я не хотел, чтобы Се Цзин ошибочно истолковал.

Сяо Лу постучал и вошёл, чтобы добавить благовоний. Сладковатый аромат повис в воздухе. Бай Лю смотрел на меня прямо, и глаза его сверкали, как водная гладь при свете луны. — Господин, такие слова больно ранят.

Я фыркнул, приложил тыльную сторону ладони ко лбу Бай Лю и, нахмурившись, пробормотал:

— Не горячий... Чего это ты сегодня ересь несёшь?..

Бай Лю схватил мою руку и, поджав губы в полуулыбке, договорил:

— Кроме вина, мы ведь ещё и вместе трапезничали, разве не так?

Я: «...» Готов голову прозакладывать — Бай Лю этому научился у Ши Ичжи!

Побаловавшись, я облокотился на стол и заныл со скуки:

— Ши Ичжи, я пошёл. Отец скоро вернётся.

Ши Ичжи, не отрывая глаз от руки Сяо Ся, наливавшего вино, отмахнулся. — Куда торопишься? Поболтай с Бай Лю ещё.

Се Цзин меж тем занялся тем, что сам заварил чай. Наклонившись, он попросил Сюнь Тао помочь просеять чайники, превратив посещение публичного дома в нечто утончённое и изысканное. — Господин Ши действительно искренен в своих чувствах.

Затем он повернулся и бросил на меня взгляд, полный сочувствия, — точь-в-точь как соседи смотрят на несчастного мужа в лубочных историях.

Се Цзин твёрдо решил, что между мной и Ши Ичжи что-то есть. Я попытался завести разговор. — Цзыкэ, что это ты всё чаем запиваешь? Водой наполнишься — к ночи живот заболит.

Се Цзин спокойно ответил:

— Желудок слабый. Выпью много вина — хочется чего-то тёплого, согреться.

«У Се Цзина желудок слабый», — мысленно отметил я.

Витал я в облаках, как вдруг Ши Ичжи отпустил Сяо Ся и Сяо Аня, махнул рукой, выпроваживая всех четверых, и, приподняв бровь, спросил:

— Цзыкэ, уже почти полмесяца прошло. Налётчика, что посмел оскорбить Его Величество, поймали?

Чашка выпала у меня из рук, ударилась о пол и разлетелась на три части.

«Сяхоу Цянь, говорю тебе: об этом деле знают лишь ты, я, сановник Се, Хай Дэшэн. Если узнает пятый — четвертую тебя конями, веришь?» — угрожающее предупреждение Государя пронеслось у меня в голове. Я закусил губу, пересчитал на пальцах и с тоской взглянул на Ши Ичжи. Государь, я, Се Цзин, Хай Дэшэн, Ши Ичжи — ровно пять человек. Как раз чтобы Государь меня четвертовал.

Государь, Государь, клянусь небом и землёй, проболтался не я! Это Се Цзин! Хотя... стоп. Если Государь узнает, что информация утекла от Се Цзина...

Я стукнулся лбом о стол. Ладно, ладно. Если Государь спросит — буду твердить, что это я проболтался Ши Ичжи.

Я сидел, сердце уходя в пятки, а те двое болтали беззаботно, словно ничего и не случилось. Се Цзин отхлебнул чаю. — Осталось ещё больше десяти дней, не так ли?

Ши Ичжи неодобрительно покачал головой. — Ты же говорил, что напал на след. Почему опять затишье? Не расслабляйся. Нельзя же одного спасти, а другого потерять, верно?

Се Цзин прищурился. — Не беспокойся обо мне. У меня всё под контролем. Дней через пять-шесть представлю виновного.

В глазах Ши Ичжи вспыхнул холодный, любопытный блеск. — Ты уже нашёл его? Мне уж очень интересно — скажи, кто же это так осмелился поднять руку на императора?

Се Цзин перебил его со вздохом. — Тебе всё знать надо. Вообще-то я не должен был тебе говорить. Если бы ты тогда не вломился и не получил по голове, я бы и слова не проронил.

Ши Ичжи неуверенно хихикнул. — Я же волновался за него. Спасибо, что рассказал, а то я бы опять вломился. Кстати говоря... тогда я думал, что Государь и вправду разгневан, но сейчас... Цзыкэ, как думаешь, а не мог Государь... намеренно эту бучу поднять?

Се Цзин бросил на него взгляд. — Брось. Не мудри. Разве станет Государь над собой так шутить? Я полагаю, покушение было настоящим, и гнев его — тоже. Но одно я знаю точно: Государь с самого начала знал, что это не генерал Сяхоу. А позволить мне просить за него —

просто чтобы дать всем возможность сохранить лицо. А уж почему Государь затеял весь этот спектакль — с битьём посуды, немедленными казнями и отставками — этого я не знаю.

...

Я подпер голову рукой, слушал, слушал и наконец нахмурился. — Эй, вы там. Хоть учтите, что тут живой человек сидит.

Мои слова упали, словно камень в воду. Ши Ичжи и Се Цзин тут же замолчали. Ши Ичжи обернулся. — Молчишь — я и забыл. Заговорил — и я вспомнил. Твой отец, кажется, через полчаса дома будет. Идёшь?

Лицо моё тут же побелело. — Иду! Сию же минуту!

Ши Ичжи снова рассмеялся. — Ну что ж, иди с миром. А мы с Цзыкэ ещё поболтаем.

Я: «...»

Что они такое затеяли? Если дело касается дворцовых дел — что ж они при мне-то говорить не могут?!

<http://bllate.org/book/15934/1423829>